

ПРЕКРАСНОЕ НЕБО

Баху Ахмедову

Она заказывает двойной латте в глиняном харрито¹. И пьет его, вытянув губы трубочкой. У нее хорошие белые зубы. Она могла бы без труда разгрызть ими кофейные зерна. Или даже стать моей кофемолкой. Грызла бы зерна и целовала. А я ощущал бы вкус кофе. Кислой мексиканской арабики.

Она приходит сюда по четвергам, в половине восьмого вечера. В расписную кофейню с глупым названием «Прекрасное небо». Я никогда не грелся под его люминесцентным солнцем. Не рассматривал однообразных ножек официанток и кокетливого курсива на вывеске. Не писал стихов на салфетках, не играл в покер на строчки. Не впивался зубами в хрустящие круассаны, не смаковал блеклого кофе, такого же безвкусного, как и вся царящая тут обстановка.

Наверно, у порога кофейни сидит головастый скрипач с пятидневной щетиной на подбородке и бесамемучит всех прохожих. Наверно, у его ног лежит тощая серая кошка и назойливо мяучит от голода. Наверно, иногда эта кошка пробирается к ней и трется об ее сиреневые колготки. Наверно, она вздрагивает и бросает кошке обмусоленный кусочек круассана.

Впрочем, эта кошка слишком грязна и убога. Тут бы больше подошла маленькая белая собачка, пошлая болонка, повизгивающая на коленях у своей хозяйки. Она лижет ей щеки и губы, а я морщусь и чувствую, как арабика начинает отдавать псиной.

У нее длинное изысканное имя. Длинное, как ее худые смуглые пальцы, которыми она обвивает свое харрито. Я зову ее Марией Изабеллой Флоренсиной Розалиной. Я перебираю звуки ее имени, как четки, и они стучаются друг от друга, не теряя своего внутреннего порядка, не боясь рассыпаться по кафельному полу и затеряться где-то под бесчисленными столиками и подошвами.

Съев круассан, она заказывает кисточку черного винограда. Мария Изабелла, мой горький виноград, мой кофейный глинтвейн. Кто сказал, что запретным плодом было яблоко?

Она никогда не пьет из фарфоровых чашек. Ей кажется, от горячей жидкости глиняное харрито начинает таять изнутри, подтекать и смешиваться с напитком. И вот она уже потягивает глину, проводит по ней языком, неторопливо глотает. И сама становится

---

¹Jarrito (исп.) – посуда в форме кувшина для горячих напитков.

глиной, теплой, податливой, и моя рука шупает ее мягкое тело, придает ей новые формы и рельефы.

У нее вытянутая шея и прямые острые плечи. Кажется, о них можно оцарапать ладони. На левом плече мог бы сидеть попугай, розовощекая корелла, серый кардинал с петушиным гребнем. Этим попугаем мог бы быть я и повторять ей на ухо ее имя.

Мария Изабелла Флоренсина Розалина.

Она пахнет горькими ноготками, пушистыми цветами смерти. Я никогда не чувствовал мертвых, я никогда не слышал об их празднестве. Но она в октябре зажигает алтарь и сыплет на него оранжевые лепестки. И вспоминает о золотой рыбке, застрявшей в водорослях перевернутым брюхом, или длинноносой прабабке, торговавшей душами древних индейцев, или толстогубом младенце, так не похожем на миловидных керубинов с фасадов мексиканских храмов.

Она прижила его от чернокожего бразильца, лупившего ее коричневыми кулаками, или от старого низкорослика-толстосума с большущей бородавкой на носу и особняком в районе Сан-Анхель, или от разносчика воды, приходящего на закате, или от святого духа, змееголового бога, обманом проникшего к ней во чрево.

И она задушила младенца, сначала выдумала, потом задушила, в полночь, в чапультепекском лесу, нагрудной салфеткой молочного цвета, с крестообразной вышивкой «*Cielito lindo*»¹. И запудренная официантка снова и снова подает ей эту салфетку.

Мария Фрида Изабелла Флоренсина Розалина.

Так, наверное, хотел назвать ее отец, слепой семидесятилетний метис, видевший во сне двоящихся женщин, прорастающие из груди листья, парящих улиток, застилающих ему глаза своей слизью. Он скитался по дому на ощупь, касаясь предметов коленками и локтями. Ночами, перед зеркалом, она слюнявит черный карандаш и рисует своему отражению сросшиеся брови.

У нее никогда не было детства. Она появилась на свет с четко очерченным контуром губ, вперед остроконечными ногтями с французским маникюром. У нее никогда не было измызанного розового зайца, скачущего между подушкой и одеялом, пахнущего пылью и духами из дешевых пробников. Она никогда не сажала в саду кофейных зерен, чтобы вырастить тысячу кофейных деревьев и свить в них тысячу кофейных гнезд. У нее никогда не было сада, только дом, полный запаутиненных углов, накладных ресниц и отцовских сновидений.

Она медленно перекачивает в руках харрито и пристально всматривается в его полосатую глубину. Я хотел бы просунуть туда голову и заснуть в теплоте ее ладоней, шевеля проклюнувшимися жабрами. А потом медленно раствориться и просочиться в нее тяжелыми глотками.

---

¹Cielito lindo (исп.) – прекрасное небо.

Она бы выпила меня, как когда-то выпила море, темно-зеленую бесконечность, ночью, тайком убежав от школьной экскурсионки. Припала к нему влажными губами и проглотила глоток за глотком, волна за волной. И упала на морской песок, к звездам раздувшимся животом, и лежала, пока не нашел ее на берегу немой большерукий рыбак. И она приняла его внутрь, как таблетку, а утром, когда рыбак ушел, плакала так долго, что выплакала обратно все море.

Теперь в глубине у нее сухо, но, проскользнув туда вместе с кофе, я все-таки снова превращаюсь в рыбу и бью хвостом где-то в районе ее диафрагмы.

Маримар¹ Изабелла Флоренсина Розалина.

Когда от двойного латте остается лишь несколько капель, смешанных с ее слюной и губной помадой, она всякий раз легонько задевает харрито локтем. Хитрая улыбка официантки, ничего страшного сеньорита, вам снова придется доплатить, двести пятьдесят пять песо. Но прежде громкий стук глины о гладкий пол, тысячи разбивающихся греческих статуй, узкодонных амфор, пышнотелых горельефов:

Бах!

Я оборачиваюсь, и вот уже вокруг разливается море и захлестывает оживленных завсегдатаев, не замечающих, как волны покрывают собой стены, столы и чашки, как по ногам начинают скользить прозрачные медузы, как прорастают коричневыми водорослями оброненные мной кофейные зерна, как размывается курсив на вывеске «Прекрасного неба» и буквы того очень странного, густого и липкого текста, который я читаю о ней.

---

¹Маримар – морская Мария, популярное мексиканское имя.